
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

LEGAL EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION IN RUSSIA AND ABROAD

УДК 341.4; 343.326

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).313-326

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА БЕЗОПАСНОСТЬ СТАЦИОНАРНЫХ ПЛАТФОРМ В АКВАТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Вылегжанин, С.А. Лобанов, А.Ю. Скуратова

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
18 сентября 2019 г.

Дата принятия в печать
8 апреля 2020 г.

Дата онлайн-размещения
30 апреля 2020 г.

Ключевые слова

Стационарная платформа;
безопасность; преступления;
акватория; государственная
территория; континентальный
шельф; международное право;
национальное право; уголовная
юрисдикция

Аннотация. Российское государство, осуществляющее суверенитет над акваторией, обладает исключительной уголовной юрисдикцией в отношении преступлений, посягающих на безопасность нефтедобывающих, научных или иных стационарных платформ, расположенных в ее пределах, хотя статус вод может быть различен: например, озеро Байкал; часть внутриконтинентального водоема (Каспия); внутренние морские воды РФ (залив Петра Великого); территориальное море РФ. При известных различиях в статусе этих вод их объединяет то, что они составляют часть территории России. От них отличаются воды, не составляющие государственную территорию, но находящиеся над континентальным шельфом РФ; это воды исключительной экономической зоны РФ, а за 200-мильным отстоянием от исходных линий — воды открытого моря. Даже в последнем случае, коль скоро платформа стационарно закреплена на континентальном шельфе РФ, исключительная уголовная юрисдикция Российской Федерации наличествует. Противодействие преступлениям, посягающим на безопасность платформ, стационарно закрепленных на дне акватории, включает широкий спектр мер правового и организационно-правового характера. При этом особую роль играют специальные нормы международного и национального права, в том числе уголовного законодательства того государства, юрисдикция которого распространяется на водоем, в пределах которого расположена стационарная платформа. По факту участия России в Протоколе о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г. в контексте применимых иных норм международного права, необходимости выполнения международно-правовых обязательств и обеспечения национальных интересов страны в настоящей статье обоснованы предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства. Противоправные деяния, непосредственно выражающиеся в захвате стационарной платформы и иных насильственных действиях, посягающих на безопасность данного объекта, безопасность лиц, осуществляющих его эксплуатацию, направленные на понуждение государства, организации, осуществляющей на законном основании эксплуатацию данного объекта, совершить какое-либо действие или воздержаться от него, имеющие своим следствием устрашение населения, предлагается предметно обозначить в национальном уголовном праве в качестве отдельного вида преступления террористической направленности. Нормы об уголовной ответственности за совершение иных противоправных, уголовно наказуемых деяний (не относящихся к актам терроризма, при отсутствии присущих терроризму признаков), в том числе выражающихся в попытках незаконного проникновения на расположенную в акватории стационарную платформу и воспрепятствования ее эксплуатации, рекомендовано включить в гл. 24 Уголовного кодекса РФ «Преступления против общественной безопасности» в качестве отдельной статьи УК РФ в ряду норм о преступлениях, нарушающих правила безопасности функционирования потенциально опасных объектов (ведения потенциально опасной деятельности). В целях более результативного подключения хозяйствующих субъектов к системе мер предупреждения и пресечения актов незаконного вмешательства в функционирование стационарных платформ, находящихся в акваториях РФ, с учетом наиболее успешного зарубежного правового опыта рекомендовано проводить в рамках российского законодательства совершенствование корпоративных

актов путем содержательной конкретизации объема и характера прав и обязанностей хозяйствующих субъектов, в том числе в отношении взаимодействия персонала стационарных платформ с правоохранительными органами.

SUPPRESSION OF CRIMES AGAINST THE SECURITY OF FIXED PLATFORMS LOCATED IN THE WATERS OF THE RUSSIAN FEDERATION (INTERNATIONAL LAW BASIS)

Alexander N. Vylegzhanin, Sergey A. Lobanov, Alexandra Yu. Skuratova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2019 September 18

Accepted

2020 April 8

Available online

2020 April 30

Keywords

Fixed platform; security; crimes; waters of the State; state territory; continental shelf; international law; national law; criminal jurisdiction

Abstract. The Russian state exercises sovereignty over its waters and has exclusive criminal jurisdiction with respect to crimes infringing on the security of oil, research or other stationary platforms in these waters, although their status may differ, for example, Lake Baikal; part of a continental water body (the Caspian Sea); marine internal waters (the Peter the Great Gulf); the territorial sea of the Russian Federation. Despite certain differences in status, all these waters are united by being part of the Russian territory. They differ from the waters that are not part of the territory of the state, but are above the continental shelf of the Russian Federation; these are the waters of the exclusive economic zone of the Russian Federation, and the open sea waters start beyond the 200-mile distance from the baseline. Even in the latter case, since a platform is stationary on the continental shelf of the Russian Federation, it is within the exclusive criminal jurisdiction of the Russian Federation. Counteraction to crimes infringing of the security of platforms fixed to the seabed includes a wide range of legal and organizational-legal measures. Besides, an important part is played by the special norms of international and national laws, including the criminal legislation of the state that has jurisdiction over the water body where a fixed platform is located. This article presents suggestions on improving Russian criminal legislation taking into account Russia's participation in the Protocol for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf of 1988, other applicable norms of international law, the necessity to observe international law obligations and protect the national interests of the country. The authors suggest that unlawful acts of seizing a fixed platform or other violent actions infringing on the security of this object, the security of personnel operating it, aimed at forcing a state or an organization which is legally operating this object to perform or abstain from certain actions, and resulting in the intimidation of the population should be specifically included in the national criminal law as a separate type of terrorism crimes. The authors also recommend to add the norms on criminal liability for other unlawful, criminally punishable acts (which are not acts of terrorism and do not have the features of terrorism), including the attempts of illegal entry into a fixed platform or hindering its operation, to Chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation «Crimes against Public Safety» as a separate Article of the Criminal Code of the Russian Federation among the norms regarding crimes that violate the security of the functioning of potentially dangerous objects (potentially dangerous operations). They recommend to use the most successful international legal experience to improve corporate acts within the framework of Russian legislation through the content specification of the scope and type of rights and obligations of business entities, including the relationships of the fixed platform's personnel with the law enforcement bodies with the purpose of a more effective inclusion of business entities in the system of measures of preventing and suppressing illegal interference in the functioning of fixed platforms in the Russian waters.

В настоящее время на дне озер, внутриконтинентальных водоемов (Каспий) и районов Мирового океана (прежде всего на дне внутренних морских вод, территориального моря и на континентальном шельфе) установлены тысячи искусственных стационарных платформ¹, в

¹ В Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.) используются (в ст. 60, 80, 87

основном для разведки и добычи минеральных ресурсов, причем анализ их правового режима сфокусирован в первую очередь на разли-

и др.) термины «искусственные острова» и «установки и сооружения», причем правовой режим первых отличен от режима вторых, что будет показано далее. Для обозначения и первых, и вторых в одних правовых документах, в том числе ИМО, а также в национальном

ции между такими понятиями (предусмотренными в Конвенции 1982 г.), как «искусственный остров» (согласие прибрежного государства на его сооружение в акватории, находящейся под его юрисдикцией, всегда необходимо) и «установки и сооружения» (такое согласие требуется не всегда); толковании норм о зонах безопасности вокруг тех платформ, которые установлены на континентальном шельфе [1, с. 42; 2], особенно в Арктике [3]. Как представляется, заслуживает внимания более широкий подход к правовому обеспечению безопасности стационарно закрепленных на дне всякой акватории (не только на континентальном шельфе) платформ, не ограниченный лишь задачей совершенствования норм о зонах безопасности вокруг таких платформ. Это обусловлено прежде всего научно-техническим прогрессом (растут масштабы создания искусственных островов, иных стационарных конструкций, в том числе в пресноводных акваториях), а также печальными статистическими данными о росте числа вооруженных нападений на объекты, находящиеся в водоемах, причем нападений не только на морские суда в море, но и на стационарные конструкции. Отмечено, например, что за период с 2007 по 2011 г. произошло как минимум шесть нападений вооруженных лиц только на *морские нефтяные установки*, сопряженных с захватом заложников и насильственными действиями в отношении персонала (четыре из них — в Гвинейском заливе, по одному — у побережья Танзании и Индии); автор, правда, ошибочно допускает квалификацию этих преступных деяний как пиратства [4, с. 7]. Напомним, что в числе признаков пиратства: совершение насильственного деяния *в открытом море* (но не *во внутренних водах* или *в территориальном море*); совершение такого деяния одним частновладельческим судном *«против другого судна или лета-*

законательстве используется термин «стационарные конструкции», а в других (например, в Протоколе 1988 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства) — термин «стационарные платформы». Так, согласно Протоколу 1988 г., «стационарная платформа» означает искусственный остров, установку или сооружение, постоянно закрепленные на морском дне и предназначенные для разведки или разработки природных ресурсов континентального шельфа или ведения другой экономической деятельности (п. 3 ст. 1). То есть термины «стационарные платформы» и «стационарные конструкции» обозначают одно и то же понятие.

тельного аппарата», находящегося на воде²; но *не против стационарной установки*, закрепленной на дне водоема³.

Наряду с попытками захвата стационарных конструкций, находящихся в водоемах, которые предпринимаются криминальными элементами (преследующими корыстные цели, прежде всего финансовые), существуют и иные противоправные деяния, *prima facie* не обусловленные корыстными мотивами, нацеленные как будто на защиту природы, но объективно нарушающие нормальную работу указанных стационарных платформ и подрывающие правовую стабильность экономической деятельности в конкретной акватории. Например, активистами неправительственной организации «Гринпис» (Greenpeace) в период с 2010 по 2016 г. было проведено с десяток акций по воспрепятствованию деятельности нефтяных стационарных платформ, в том числе осуществлена высадка зеленых в сентябре 2013 г. на российскую платформу «Приразломная», расположенную на континентальном шельфе России [5].

Приведенные примеры проникновения на стационарные конструкции, находящиеся в разных по своему правовому режиму акваториях, значительно различаются по своим правовым характеристикам (причины, характер и механизм деяния, его последствия и т.д.). Но и первые, и вторые уголовно наказуемы; соответственно, наличествует потребность в пресечении такого рода преступлений, в обеспечении неотвратимости преследования и наказания лиц, которые их совершают. На этом фоне актуализируются вопросы усовершенствования национально-законодательных норм, направленных на противодействие таким противоправным посягательствам в акваториях, находящихся под суверенитетом и юрисдикцией РФ.

В весьма популярном на Западе курсе международного уголовного права эта проблема, как ни странно, вообще не исследуется [6], хотя обстоятельное изложение автором содержания международного уголовного права уже отмечено в российской юридической науке (как и дискуссионного понимания автором этой отрасли международного права) [7].

² Конвенция ООН по морскому праву : заключена в г. Монтего-Бее 10 окт. 1982 г. Ст. 101. Определение пиратства.

³ UN Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Martinus Nijhoff Publ., 1995. Vol. 3. P. 201–202.

В настоящее время в международно-правовой и национально-законодательной практике формируется интегрированный всеобъемлющий (*holistic*) подход к системе предотвращения преступности на море, включающий в себя широкий инструментарий мер охраны и защиты морской деятельности [8, р. 226]. Соответственно, противодействие преступлениям, посягающим на безопасность деятельности в акваториях, охватывает разнообразные меры превентивного, регулятивного и репрессивного характера [9, р. 148], а охрана судов и стационарных сооружений в водоемах осуществляется в том числе через разработку и реализацию государствами национальной военной политики [10, р. 147]. При этом следует подчеркнуть потребности гармонизированного использования международно-правовых и национально-законодательных норм, предусматривающих такие меры. Проблема взаимодействия международного и национального права применительно к установлению уголовной ответственности за преступления, посягающие на безопасность стационарных платформ в водоемах, а также к реализации норм о такой ответственности обретает и практическую значимость. На необходимость обеспечения безопасности морской деятельности (в том числе связанной с эксплуатацией стационарных сооружений, находящихся на континентальном шельфе России) предметно указано в важнейших политико-правовых документах России⁴. Задача такого обеспечения носит сложный и многоаспектный характер. Показательно, что в указанных политико-правовых документах Российской Федерации национальные интересы в области безопасности обозначены в контексте законодательства Российской Федерации и обязательных для России норм международного права, в первую очередь основных принципов международного права.

Разработка специальных международно-правовых положений о безопасности морских стационарных платформ осуществляется пре-

жде всего в рамках ООН, в том числе ее специализированного учреждения — Международной морской организации (далее — ИМО). В Женевской конвенции об открытом море 1958 г., в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., предусматривающих нормы о безопасности на море и юридически предметно определяющих пиратство, отсутствуют, однако, специальные нормы о борьбе с посягательствами на безопасность стационарных платформ, расположенных в акваториях. За рамками указанных универсальных международных договоров находятся и вопросы противодействия актам терроризма на море [11, р. 455]. Попытка устранить данный пробел предпринята по результатам принятия в Риме в 1988 г. Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (далее — Конвенция 1988 г.), а также Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (далее — Протокол 1988 г.). Импульсом к принятию указанных конвенции и протокола послужило не только увеличение числа таких платформ в акваториях, но и инцидент с итальянским судном «Акилле Лауро», захваченным 7 октября 1985 г. у берегов Египта террористами — пассажирами судна; за ним последовала инициатива разработать и принять соответствующий международно-правовой документ. Вместе с тем предпосылки установления международно-правовых основ борьбы с актами всякого насилия на водных пространствах формировались в течение долгого времени; например, пиратство как обозначенное в праве преступление является предшественником другого преступления — терроризма на море; одновременно пиратство выступает и фактором становления морского терроризма [12; 13, р. 232].

В исследованиях в области международного права (при общей констатации разграничения преступлений пиратства и терроризма на море по ряду признаков, в том числе по объекту и предмету посягательства, по механизму совершения, по особенностям юрисдикции государств в отношении указанных преступлений [14, с. 146–147]) в рамках концепции морского насилия (*maritime violence*) отмечается возрастание взаимопроникновения этих преступлений, применение пиратами и террористами сходных методов, их взаимодействие в процессе преступной деятельности [15, р. 9]. Как констати-

⁴ Морская доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ 26 июля 2015 г. // СПС «Консультант Плюс» ; Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ // Там же ; Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года : указ Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 30. Ст. 4655.

руют специалисты в области международного уголовного права, в его договорных источниках, доктринальных исследованиях отсутствует единое определение понятия «терроризм». К актам терроризма документы международного права относят разные преступления, хотя их квалификацию объединяет то, что все они посягают на безопасность лиц, общества, государств, в конечном итоге на основы общественной безопасности как составляющей международного правопорядка [16, с. 247–248; 17; 18]. В целом для терроризма характерным признаком принято считать то, что каждое составляющее его деяние имеет своим следствием *устрашение неопределенного круга лиц*, причем в *трансграничном* контексте [19, с. 37].

Несмотря на то что в Протоколе 1988 г. не употребляются термины «терроризм», «террористический акт», его направленность (как источника международного права) против актов терроризма на море следует из взаимосвязи этого документа с Конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против морского судоходства, 1988 г.⁵ Протокол 1988 г. в ст. 2 очерчивает круг преступных действий террористического характера, посягающих на безопасность стационарных платформ, посредством указания на то, что *любое лицо совершает преступление*, если оно незаконно и преднамеренно:

– захватывает стационарную платформу или осуществляет контроль над ней силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания;

– или совершает акт насилия против лица на стационарной платформе, если этот акт может угрожать ее безопасности;

– или разрушает стационарную платформу или наносит ей повреждение, которое может угрожать ее безопасности;

– или помещает на стационарную платформу каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить эту стационарную платформу или создать угрозу ее безопасности, или совершает действия в целях такого помещения;

⁵ В частности, в преамбуле Протокола 1988 г. указано на то, что «причины, по которым была разработана Конвенция, имеют отношение также к стационарным платформам, расположенным на континентальном шельфе»; в свою очередь, в преамбуле Конвенции 1988 г. содержатся указания на глубокую озабоченность государств-участников «эскалацией в мире актов терроризма во всех его формах».

– или наносит ранения любому лицу или убивает его в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из вышеперечисленных деяний.

Всякая попытка совершить какое-либо из перечисленных преступлений, подстрекательство к ним, а также угроза (с условием или без такового) с целью принудить физическое или юридическое лицо совершить какое-либо действие, состоящее в акте насилия против лица на стационарной платформе, если этот акт может угрожать ее безопасности, также рассматриваются в качестве преступлений по смыслу данного протокола.

Наряду с определением перечня преступлений, посягающих на безопасность стационарных платформ, протокол предусматривает обязательства государств-участников, направленные на имплементацию международно-правовых положений по борьбе с указанными преступлениями в национальное право. Так, согласно п. 1 ст. 1 Протокола 1988 г., положения ст. 5 и 7 и ст. 10–16 Конвенции 1988 г. также применяются *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями) к преступлениям, указанным в ст. 2 данного протокола. Это прежде всего означает, что каждое государство — участник протокола предусматривает соответствующие наказания за рассматриваемые преступления с учетом тяжкого характера этих преступлений; что любое государство — участник протокола по обстоятельствам нахождения на его территории лица, предположительно совершившего такого рода преступление, в соответствии со своим законодательством принимает меры к возбуждению уголовного преследования, заключению лица под стражу или выдаче другому государству-участнику, установившему свою юрисдикцию в отношении рассматриваемых преступлений; что рассматриваемые преступления подлежат включению в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче между государствами — участниками протокола; что государства — участники протокола оказывают друг другу максимально возможную помощь в связи с уголовным преследованием, начатым в отношении рассматриваемых преступлений (включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для разбирательства), в соответствии с договорами о взаимной правовой помощи или на основе принципа взаимности (в соответствии с национальным законодательством); что государства

участники сотрудничают в предотвращении рассматриваемых преступлений посредством принятия всеобъемлющего комплекса практически осуществимых мер (включая обмен соответствующей информацией) в соответствии с их национальным законодательством.

Далее, согласно ст. 3 протокола, государства-участники принимают меры, которые могут оказаться необходимыми для установления своей юрисдикции в отношении преступлений, указанных в ст. 2 протокола, при совершении преступления против стационарной платформы или на ней либо гражданином данного государства⁶, а также в ситуациях, когда предполагаемый преступник находится на территории государства-участника, а последнее не выдает предполагаемого преступника другому государству-участнику, установившему юрисдикцию в отношении данного преступления.

Заметим, что Протокол 1988 г. не исключает уголовной юрисдикции, осуществляемой в соответствии с национальным законодательством, на что прямо указано в п. 5 ст. 3. Иными словами, Протокол 1988 г. допускает возможность осуществления различных видов уголовной юрисдикции государств, в той или иной степени затрагиваемых соответствующим преступлением (территориальной, персональной).

При этом нужно учитывать, что статус континентального шельфа характеризуется смешанным режимом — сочетанием суверенных прав, национальной юрисдикции прибрежного государства, с одной стороны, и международно-правового регулирования деятельности и других государств (не только прибрежного) — на шельфе и в водах над шельфом, с другой стороны [20]. По обстоятельствам осуществления прибрежным государством юрисдикции над континентальным шельфом применительно к правонарушениям, совершенным на континентальном шельфе, посягающим на правоохраняемые интересы, во взаимосвязи с обозна-

ченными суверенными природоресурсными правами действует юрисдикция прибрежного государства [21, с. 89]. Как подтверждено п. 2 ст. 60, п. 1 ст. 77, ст. 80 Конвенции 1982 г., прибрежное государство обладает исключительной юрисдикцией над расположенными на континентальном шельфе стационарными конструкциями, в том числе в отношении законов и правил, касающихся безопасности. С учетом совокупного толкования положений Конвенции 1982 г., Федерального закона «О континентальном шельфе» от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ, прежде всего п. 3 ст. 5 и ч. 2 ст. 11 УК РФ, на стационарных платформах, расположенных на континентальном шельфе России, действует в полном объеме уголовное законодательство России [22].

Роль международного права при уточнении российским государством комплекса мер противодействия указанным преступлениям представляется приоритетной, поскольку правовая политика России реализуется в том числе в этой сфере на основе конституционных и законодательных положений, определяющих взаимосвязь международного и российского права⁷. Но и всякое иное государство, в конституции которого нет указания на соблюдение применимых норм международного права (например, США), тем не менее, должно выполнять принятые обязательства в силу общего международного права. Принцип добросовестного выполнения обязательств по международным договорам (в которых данное государство участвует) — это основной, общепризнанный принцип современного международного права. Кроме того, важно учитывать, что нормы универсальных морских конвенций о безопасности стационарных конструкций получают конкретизацию в документах ИМО. Так, в плане предупреждения и пресечения преступлений, иных правонарушений в отношении стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, отправным международно-правовым положением служит ст. 60 Конвенции 1982 г., согласно которой прибрежное государство может там, где это необходимо, устанавливать разумные зоны безопасности вокруг стационарных конструкций; в пределах этих зон оно принимает меры по безопасности навигации и безопасности самих

⁶ Государство-участник, кроме того, вправе установить свою юрисдикцию в ситуациях совершения преступления апатридом, постоянно проживающим на его территории, либо если его гражданин стал потерпевшим в данном преступлении, либо когда преступление сопряжено с попыткой вынудить данное государство совершить какое-либо действие или отказаться от него. В указанных случаях установление юрисдикции (равно как и возможный последующий отказ от такой юрисдикции) обусловлено уведомлением государством-участником генерального секретаря ИМО (п. 3 ст. 3 Протокола 1988 г.).

⁷ В этом контексте следует иметь в виду в первую очередь ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также ч. 2 ст. 1 УК РФ, ч. 3 ст. 1 УПК РФ.

таких стационарных объектов. А резолюция Ассамблеи ИМО А 671 (16) «Зоны безопасности и безопасность мореплавания вокруг морских установок и сооружений» от 19 октября 1989 г. содержит более детальные рекомендации в этой области, адресованные правительствам как прибрежных государств, так и государств флага; эта резолюция предусматривает в том числе принятие соответствующим прибрежным государством мер против нарушений зон безопасности⁸.

Международно-правовые нормы специального характера, направленные на противодействие актам терроризма на море, посягающим непосредственно на безопасность стационарных платформ, содержатся прежде всего в Протоколе 1988 г., на что выше уже обращалось внимание. Кроме того, под эгидой ИМО были разработаны и в 2005 г. приняты тексты протоколов, содержащих дополнения и изменения в Конвенцию 1988 г. и Протокол 1988 г. Соответственно, перечень составов преступлений, посягающих на безопасность стационарных платформ, предусмотренных Протоколом 1988 г., был в 2005 г. дополнен и модифицирован. В этой связи:

1. Положения ряда пунктов и статей Конвенции 1988 г., измененной Протоколом 2005 г., также применяются *mutatis mutandis* к преступлениям, указанным в Протоколе 2005 г. к Протоколу 1988 г., когда такие преступления совершаются против стационарных платформ или на них (ст. 2 Протокола 2005 г. к Протоколу 1988 г.).

2. Протоколом 2005 г. к Протоколу 1988 г. дополнительно к преступлениям отнесены умышленные действия:

– по использованию против стационарной платформы или на ней (либо приведению в действие со стационарной платформы) какого-либо взрывного устройства, радиоактивного материала или бактериологического, химического, ядерного оружия способом, причиняющим или способным причинить смерть либо телесное повреждение или ущерб;

– сбросу со стационарной платформы нефти, сжиженного природного газа или иного вредного или опасного вещества (не упомянутого выше) в таком количестве или в такой концентрации, которые причиняют смерть (или

могут причинить смерть), серьезное телесное повреждение или ущерб;

– угрозам совершить какое-либо из перечисленных преступлений (ст. 2 bis Протокола 2005 г. к Протоколу 1988 г.).

3. Отнесены к преступлениям по совокупному смыслу Протокола 2005 г. к Протоколу 1988 г. и применимых положений Конвенции 1988 г. незаконные и умышленные действия, совершенные в связи с совершением преступлений, указанных в ст. 2 и 2 bis Протокола 2005 г., и выражающиеся в причинении телесных повреждений какому-либо лицу или его убийстве; попытке совершения преступления; соучастии в преступлении; организации других лиц в целях совершения преступления; способствовании совершению одного или более преступлений группой лиц (действующих с общей целью и умышленно). Статья 5 bis Протокола 2005 г. к Протоколу 1988 г. предусматривает ряд иных положений, ориентированных на повышение эффективности механизма противодействия актам терроризма на море. Предусмотрено, в частности, обязательство государств-участников обеспечить (в соответствии с внутренним правом соответствующего государства) необходимые меры, позволяющие привлечь к ответственности⁹ находящееся на территории государства (или учрежденное в соответствии с его законодательством) юридическое лицо в случае совершения физическим лицом, ответственным за управление данным юридическим лицом (или за контроль за ним), преступления по смыслу Конвенции 1988 г.

Следует, однако, заметить, что названные протоколы 2005 г. ратифицированы относительно небольшим количеством государств¹⁰, в связи с чем их эффективность преждевременно оценивать, как и делать вывод о том, что практика 40 государств — их участников может привести к формированию соответствующей обычной нормы международного права.

Анализируемые международные договоры, нацеленные на пресечение преступлений на море, содержат юридически обязательные

⁹ Эта ответственность может носить уголовный, гражданский или административный характер.

¹⁰ Соответственно, по данным ИМО, Протокол 2005 г. к Конвенции 1988 г. ратифицировали 40 государств, Протокол 2005 г. к Протоколу 1988 г. — 35 государств (Список конвенций и протоколов, принятых в ИМО. URL: <http://www.imo.org/en/About/Conventions/StatusOfConventions/Pages/Default.aspx>).

⁸ Implications of the United Nations Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organization. Study by the Secretariat of the International Maritime Organization (IMO). P. 39. URL: <http://www.imo.org/en/OurWork/Legal/Documents/LEG%20MISC%208.pdf>.

нормы для государств-участников, причем имплементация таких норм в национальное право (в рамках рассматриваемой темы в уголовное законодательство), во-первых, реализует принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву и, во-вторых, усиливает правовую основу повышения эффективности противодействия обозначенным преступлениям, совершаемым в акваториях [23, с. 162]. Здесь следует пояснить, что отечественные правоведы-международники в результате анализа применимых норм международного права, Конституции России, федеральных законов (в первую очередь ст. 14 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ) характеризуют воздействие международного права на уголовное законодательство России по двум основным направлениям: во-первых, посредством указания в тексте УК РФ на возможность прямой отсылки к норме международного права при решении уголовно-правовых вопросов; во-вторых, посредством восприятия нормами уголовного закона предписаний международного права; при этом норма, вводимая в национальное уголовное право во исполнение международного договора, иногда сущностно изменяется (по сравнению с нормой договора) законодателем конкретного государства. Корректно ли в этом случае использовать термин «имплементация» [24]? Является ли такая практика национально-правового «редактирования» нормы международного права (свойственная, например, конгрессу США) юридически корректной с точки зрения общего международного права? Эти вопросы еще ждут рассмотрения.

По обстоятельствам ратификации Российской Федерацией Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г.¹¹ необходима имплементация положений данного международно-правового акта в национальный уголовный закон, причем не только в силу отмеченной ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Национальный интерес России состоит

¹¹ О ратификации Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, и Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе: федер. закон от 6 марта 2001 г. № 22-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 999.

в том, чтобы юридически защитить от нападения и захвата стационарные платформы наряду с морскими судами [25]. Попутно заметим, что стационарные платформы после их фиксации на дне водоема (морского или иного) для использования по целевому назначению уже не соответствуют правовым критериям понятия судна (к этому выводу приходят исследователи в результате анализа специальных международно-правовых актов и источников национального права [26, с. 18; 27]¹²).

При введении в действие специальных уголовно-правовых норм, основывающихся на соответствующих международно-правовых источниках, как было предложено выше, российские правоохранительные органы будут снабжены признанным уголовно-правовым инструментарием борьбы именно с посягательствами на безопасность стационарных платформ, избавлены от необходимости прибегать к вынужденной (не вполне точной) квалификации такого рода противоправных деяний. Приведем пример привлечения к уголовной ответственности активистов организации «Гринпис» по упомянутому выше факту — их акции в отношении российской платформы «Приразломная». Преступное действие этих активистов состояло в осуществлении ими запрещенных российским законом и применимыми нормами международного права действий в зоне безопасности, установленной вокруг этой платформы, а именно в спуске с материнского судна — ледокола «Арктик Санрайз» под флагом Нидерландов — надувных лодок, направленных на российскую платформу, и последующей за этим попытке закрепиться на платформе [28]. Указанные действия рассматривались правоохранительными органами России в контексте создания чрезвычайно опасной ситуации, угрожающей целостности нефтедобывающей платформы (персонал платформы не мог исключать нахождение на лодках, приближающихся к ней, взрывчатых, иных опасных веществ); т.е. объективно создавалась демонстрация угрозы для жизни людей, находящихся на платформе, для экологи-

¹² Заметим также, что вывод о том, что правовой статус морской платформы изменяется в зависимости от того, движется она к месту бурения (в этом случае она должна рассматриваться как морское судно) либо закрепляется неподвижно на дне на период работы (в этом случае она рассматривается именно как стационарное морское сооружение, вокруг которого должна устанавливаться зона безопасности), был сделан еще в 1970-х гг.

ческой безопасности в районе расположения платформы¹³. Соответственно, как объяснили представители правоохранительных органов, в отсутствие специальной нормы уголовного закона они вынуждены первоначально квалифицировать действия активистов «Гринпис» по ст. 227 УК РФ («Пиратство»). Лишь после того как президент РФ не согласился с такой квалификацией, правоохранительные органы переквалифицировали это преступное деяние по ст. 213 УК РФ («Хулиганство»¹⁴). Следует согласиться с замечанием о том, что совершение преступных посягательств в отношении такого сложного, наукоемкого, чувствительного к потенциальным техногенным и экологическим угрозам объекта, как стационарная платформа, характеризуется высокой степенью опасности возможных последствий [29] и, следовательно, требует специальной уголовно-правовой квалификации.

Принимая во внимание рассмотренное выше, подтверждается практическая значимость вывода о целесообразности разработки и введения в действие (посредством дополнения УК РФ) уголовно-правовых норм, основывающихся на нормах рассмотренных международных договоров. При этом представляется значимым не только обеспечить выполнение международно-правовых обязательств России во взаимосвязи с обеспечением национальных интересов; вводимые в таком контексте в УК РФ меры противодействия преступлениям, посягающим на безопасность стационарных платформ, не должны ограничиваться лишь теми платформами, которые используются при разработке природных ресурсов континентального шельфа; они должны распространяться и на платформы, находящиеся во всякой акватории под суверенитетом или юрисдикцией РФ, в том числе создаваемые в иных целях (аквакультурных; рекреационных и т.д.). Кроме того, следует принять во внимание возможность восприятия позитивного зарубежного национально-зако-

нотательного опыта в рассматриваемой сфере с учетом особенностей правовой системы РФ. Так, в законодательстве ряда государств с развитой правовой системой, в том числе соседних с Россией, имеются достаточно конкретные правовые установления в определении прав и обязанностей *хозяйствующих субъектов*, полномочных обеспечивать вопросы безопасности морских стационарных конструкций. В Норвегии, например, действуют «Рамочные правила об охране здоровья, безопасности и защите окружающей среды при осуществлении нефтяной деятельности 2010 г.» (далее — Рамочные правила). В соответствии со ст. 59 Рамочных правил в случае нарушения зоны безопасности вокруг нефтедобывающей платформы и в иных опасных ситуациях ее оператор должен отказать в проходе судам через зону безопасности, установленную вокруг нее. Такой отказ может сопровождаться принудительным удалением из зоны. Предусмотрено, что, если нарушена зона безопасности и такое нарушение влечет за собой существенную угрозу безопасности для нефтяной деятельности, такой отказ может заключаться в применении физических мер (*physical measures*). Данное положение также применяется, даже если суда находятся *за пределами зоны безопасности*, но представляют *существенную угрозу безопасности* стационарной конструкции, а ее оператор сделал соответствующее предупреждение. В «Руководстве к Рамочным правилам» (*Guidelines Regarding the Framework Regulations*) уточняется, что запрет несанкционированного передвижения в пределах зоны безопасности является и правом, и обязанностью оператора. Характер мер, которые может предпринять оператор в случае нарушения зоны безопасности, должен определяться, как указано в документе, исходя из степени риска, которому подвергается нефтяная деятельность; такую степень риска необходимо соотносить с последствиями предпринимаемых мер. При выборе мер следует учитывать в том числе такие факторы, как размер и характер судна — нарушителя режима зоны безопасности, погодные условия и особенности производственной деятельности, осуществляемой на соответствующем стационарном объекте.

Изучение современного зарубежного уголовного законодательства, в том числе в государствах с развитой правовой системой, позволяет также указать на примеры обособления в национальном уголовном праве именно норм,

¹³ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с решением Международного трибунала по морскому праву о временных мерах по делу «Арктик Санрайз» // МИД РФ : офиц. сайт. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/86750.

¹⁴ Следственный комитет России прекратил уголовное преследование по данному делу в связи с принятием постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации» от 18 декабря 2013 г. № 3500-6 ГД.

направленных на охрану стационарных платформ, находящихся в акваториях. Так, в США Закон о борьбе с терроризмом¹⁵ [30], принятый в связи с реакцией на сентябрьские события 2001 г. и инкорпорированный в гл. 113В Федерального уголовного кодекса (разд. 18 Свода законов США), относит к преступлениям терроризма, в частности, насильственные действия в отношении *стационарных платформ* в акваториях (ст. 2281). Нормы аналогичного характера содержатся в уголовных законах многих стран, ведущих экономическую деятельность в акваториях. Например, в УК Швеции предусмотрена ст. 5а, устанавливающая уголовную ответственность за действия, угрожающие безопасности стационарной платформы, находящейся в акватории, как за акт терроризма¹⁶.

Современное уголовное законодательство России включает комплекс уголовно-правовых норм антитеррористической направленности [31], в том числе устанавливает уголовную ответственность за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ), относя последний к виду преступлений против мира и безопасности человечества [19]. Между тем с учетом рассмотренной практики правового реагирования на попытки захвата стационарной платформы, находящейся в акватории, следует согласиться с высказываемым в литературе суждением о том, что акты, посягающие на безопасность таких платформ, охватывают не только террористические деяния, но и другие противоправные деяния [5]. Как было показано на примере преступления, совершенного активистами «Гринпис», цели и мотивы исполнителей противоправных деяний в отношении стационарного сооружения, находящегося в акватории, в ряде случаев, несомненно, отличаются от целей и мотивов исполнителей актов, образующих преступление терроризма. В правовой науке сделан вывод (к которому присоединяются и авторы настоящей статьи) о том, что, в отличие от морских судов, стационарные платформы (находящиеся в неподвижном состоянии, использующиеся по целевому назначению) не могут юридически считаться объектами пиратских нападений [4, с. 14]. Российский закон, непосредственно посвященный вопросам обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического ком-

плекса (а большинство стационарных платформ относятся к объектам такого рода)¹⁷, использует понятие «акт незаконного вмешательства»; при этом закон включает в это понятие в том числе террористический акт или покушение на его совершение, одновременно характеризуя его направленность («угрожающее безопасному функционированию объекта топливно-энергетического комплекса») и указывая на его последствия («повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, повреждение или уничтожение имущества либо создавшее угрозу наступления таких последствий»)¹⁸. Но, повторим, не все стационарные платформы, которые сооружены в акваториях, относятся к объектам энергетики.

Итак, в российском уголовном законе в контексте изложенного международно-правового опыта необходим современный предметный учет ситуации нападения на стационарную платформу, находящуюся в акватории; целей и мотивов лиц, совершающих рассматриваемые деяния; механизма совершения такого деяния; соответственно, дифференциации составов преступлений и уголовной ответственности лиц, которые их совершают. Оптимальным вариантом такого своевременного учета выглядит разработка уже в настоящее время специальных уголовно-правовых норм об уголовной ответственности за преступления, посягающие на безопасность указанных морских объектов. В связи с участием России в Протоколе 1988 г. прежде всего целесообразно осуществить имплементацию норм протокола в законодательство Российской Федерации, т.е. квалифицировать *expressis verbis* в УК РФ преступными деяния, перечисленные в протоколе и описанные выше. Как следующий шаг, такие деяния, как захват стационарной платформы, находящейся в акватории РФ, силой или угрозой силы; совершение акта насилия против лица на такой стационарной платформе, если этот акт может угрожать ее безопасности; разрушение стационарной платформы или нанесение ей повреждения, которое может угрожать ее безопасности; помещение или совершение действия в целях помещения на стационарную платформу каким бы то ни было способом устройства или вещества, ко-

¹⁵ Официальное название этого закона — Limiting and strengthening America by providing appropriate tools require to intercept and obstruct terrorism.

¹⁶ URL: <https://lagen.nu/1962:700>.

¹⁷ О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса : федер. закон от 21 июля 2001 г. № 256-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30, ч. 1. Ст. 4604.

¹⁸ Там же.

торое может разрушить эту стационарную платформу или создать угрозу ее безопасности; нанесение ранения любому лицу или его убийство в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из названных деяний, надо квалифицировать как преступление, предусмотрев соответствующее наказание. При этом важно отразить в соответствующей норме уголовного закона России и такой существенный признак преступности деяния, как цель принуждения физического или юридического лица совершить какое-либо действие или воздержаться от него. В таком контексте можно обозначить два приоритетных направления законоотворчества:

1. В качестве обособления *вида преступления террористической направленности*, непосредственно выражающегося в захвате стационарной платформы, находящейся в акватории, и иных насильственных действиях, посягающих на безопасность такого объекта и (или) безопасность лиц, осуществляющих его эксплуатацию, или в угрозе совершения таких противоправных деяний в целях понуждения российского государства или российской организации, осуществляющей на законном основании эксплуатацию данного объекта, совершить какое-либо действие или воздержаться от него, имеющего своим следствием устрашение населения в соответствующей местности или части такого населения. Образующие это преступное деяние составы, формулируемые с учетом положений международного договора РФ, могли бы быть предусмотрены в отдельной статье гл. 24 УК РФ (как вариант, в ст. 205, следующей в ряду уголовно-правовых норм о преступлениях террористической направленности).

2. В качестве уголовно-правового обозначения иного (не относящегося к актам терроризма) преступления, посягающего на общественную безопасность и непосредственно выражающегося в актах незаконного проникновения (или попытках проникновения) на расположенную в акватории РФ стационарную платформу, в воспрепятствовании ее эксплуатации, при отсутствии признаков акта терроризма. Соответственно, нормы об уголовной ответственности

за данное преступление могут быть включены в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» в качестве отдельной статьи Уголовного кодекса в ряду норм о преступлениях, нарушающих правила безопасности функционирования потенциально опасных объектов (ведения потенциально опасной деятельности).

Противодействие преступности (включая противодействие рассматриваемым преступлениям в акваториях) охватывает также меры предупредительного характера, направленные на устранение причин и условий преступлений либо их нейтрализацию [32, с. 35–46]. Рассматриваемые установки и сооружения, находящиеся в акваториях, с учетом их функционального назначения, удаленности их от берега и дополнительных рисков для их персонала относятся к потенциально опасным объектам¹⁹. В этой связи определенными полномочиями по их охране и защите от актов незаконного вмешательства обладают, наряду с правоохранительными органами, хозяйствующие субъекты, владеющие на законном основании объектами такого рода.

При совершенствовании корпоративного (локального) регулирования деятельности стационарных платформ (в том числе порядка действий сотрудников организации, эксплуатирующей такую платформу, инструкций по предупреждению и пресечению актов нелегитимного проникновения на нее) целесообразно учитывать наиболее успешный зарубежный опыт, в частности норвежский, охарактеризованный выше. Это относится в первую очередь к порядку начальных действий персонала стационарной платформы по реагированию на возникшую угрозу; к определению допустимых мер в отношении нарушителей (включая их задержание на платформе); к взаимодействию персонала с правоохранительными органами.

¹⁹ Они включены в Реестр опасных производственных объектов согласно Федеральному закону «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (в редакции от 7 марта 2017 г.) (Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3588).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вылегжанин А.Н. Международно-правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море / А.Н. Вылегжанин, К.В. Крымская // Московский журнал международного права. — 2018. — № 2. — С. 42–57.
2. Redden J. Platform Removal Becomes International Issue / J. Redden // *Ofbshore*. — 1987. — Vol. 48, № 2. — P. 27–32.
3. Лабин Д.К. Правовые перспективы развития сотрудничества арктических государств в области разработки морских нефтегазовых ресурсов Арктики / Д.К. Лабин, И.В. Паничкин // Московский журнал международного права. — 2016. — № 3. — С. 86–93.

4. Кашубский М.В. Могут ли пиратские действия быть совершены против морской нефтяной платформы / М.В. Кашубский // Российский юридический журнал. — 2014. — № 1 (21). — С. 5–14.
5. Чернядьева Н.А. О необходимости имплементации антитеррористических международно-правовых правил в российский уголовный закон / Н.А. Чернядьева // Уголовное право. — 2017. — № 1. — С. 104–111.
6. Kittichaisaree K. *International Criminal Law* / K. Kittichaisaree. — Oxford Univ. Press, 2002. — 482 p.
7. Вылегжанин А.Н. К. Киттичайсари. Международное уголовное право / А.Н. Вылегжанин, А.Ю. Скуратова // Государство и право. — 2005. — № 7. — С. 122–124.
8. Salonio L. *International, Regional and National Approaches towards Maritime Security Issues of Terrorism* / L. Salonio, R. Sinha // *Maritime Violence and other Security Issues at Sea: the Proceedings of the Symposium on Maritime Violence and other Security Issues at Sea* / ed. P.K. Mukherjee. — Malmö : WMU, 2002. — P. 221–252.
9. Mishalchenko Yu. *Statement: Law and Economics — Aspects of National and International Regulation* / Yu. Mishalchenko // *Maritime Security: Current Problems in the Baltic Sea : Conference in Cooperation with the International Tribunal for the Law of the Sea, May 9–11, 2007* / ed. S. Heinze, U. Karpen, D. Lukic. — Baden Baden : Nomos, 2008. — P. 131–152.
10. Shapiro A. *Multiple Approaches must be Taken to Manage the Piracy Problem* / A. Shapiro // *Modern-day piracy* / D. Miller. — Detroit : Greenhaven Press, 2012. — P. 137–147.
11. *Law of the Sea in a Nutshell* / L. Sohn, K. Juras, J. Noyes, E. Francx. — 2nd ed. — St. Paul, Minn : West Publ., 2010. — 545 p.
12. Чернядьева Н.А. Традиционное морское пиратство как предпосылка и фактор становления системы международного терроризма / Н.А. Чернядьева // *История государства и права*. — 2015. — № 1. — С. 34–38.
13. Sherry F. *Raiders and Rebels: The Golden Age of Piracy* / F. Sherry. — New York : Harper Collins, 2008. — 399 p.
14. Галиев П.С. Борьба с морским пиратством. Международно-правовой аспект / П.С. Галиев. — Барнаул : БЮИ МВД России, 2015. — 168 с.
15. Graf A. *Countering Piracy and Maritime Terrorism in South East Asia and off the Horn of Africa: applying the lessons learned from the countermeasures against maritime violence in the Strait of Malacca to the Gulf of Aden* / A. Graf. — Hamburg : Inst. fuer Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg, 2011. — 58 p.
16. *Международное уголовное право : учебник* / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк. — Москва : Юрайт, 2013. — 463 с.
17. Волеводз А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве / А.Г. Волеводз // *Международное уголовное право и международная юстиция*. — 2014. — № 2. — С. 3–6.
18. Wilt H. *The Role of International Criminal Law in Responding to the Crime-Terror Nexus* / H. Wilt, Ch. Paulusen // *European Journal of Criminology*. — 2019. — Vol. 16, iss. 3. — P. 315–331.
19. Кибальник А.Г. Акт международного терроризма — новое преступление против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, В.А. Суворов // *Уголовное право*. — 2016. — № 6. — С. 37–42.
20. Ануфриева Л.П. Инцидент по вводу Китаем в действие платформы «HD 981» в Южно-Китайском море (отдельные международно-правовые проблемы) / Л.П. Ануфриева // *Альманах кафедры Международного права МГЮА. Ceteris Paribus*. — 2015. — Вып. 5. — С. 51.
21. Ромашев Ю.С. Особенности установления и осуществления государствами своей юрисдикции в правоохранительной сфере / Ю.С. Ромашев // *Государство и право*. — 2015. — № 5. — С. 82–91.
22. Гриненко А.В. Особенности действия российского уголовно-процессуального закона в пространстве / А.В. Гриненко // *Международное уголовное право и международная юстиция*. — 2016. — № 1. — С. 8–10.
23. Зимин В.В. Заключение и реализация международных договоров о борьбе с отдельными преступлениями как одно из основных направлений межгосударственного антикриминального сотрудничества / В.В. Зимин // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2018. — № 5. — С. 156–163.
24. Кибальник А.Г. Формы влияния международного права на российское уголовное право / А.Г. Кибальник, О.Н. Шибков // *Общество и право*. — 2011. — № 4 (36). — С. 157–160.
25. Савельев В.А. Об имплементации в российском законодательстве международных договоров Российской Федерации по борьбе с терроризмом / В.А. Савельев // *Международное публичное и частное право*. — 2002. — № 2. — С. 11–19.
26. Гаврилина Е.А. Правовой режим морской стационарной платформы для добычи нефти и газа на морских месторождениях / Е.А. Гаврилина // *Правовой энергетический форум*. — 2017. — № 2. — С. 14–18.
27. Лазарев М.И. Правовой режим морских буровых и иных установок / М.И. Лазарев. — Москва : Ин-т гос-ва и права АН СССР, 1972. — 185 с.
28. Захарова Л.И. Решение по делу «Arctic Sunrise» об установлении предварительных мер, вынесенное Международным трибуналом по морскому праву (Королевство Нидерланды против Российской Федерации) / Л.И. Захарова // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2015. — № 6. — С. 82–86.
29. Ямщиков Д. «Приразломная»: первый опыт нефтедобычи на арктическом шельфе / Д. Ямщиков // *Безопасность объектов ТЭК*. — 2013. — № 2. — С. 54–57.
30. *Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части : учебник* / под ред. И.Д. Козочкина. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Волтерс Клувер, 2010. — 1034 с.
31. Кочои С.М. Антитеррористические нормы УК РФ и практика их применения / С.М. Кочои. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).258-265 // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 258–265.
32. *Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебник* / отв. ред. Р.А. Каламкарян. — Москва : Юрайт, 2018. — 349 с.

REFERENCES

1. Vylegzhanin A.N., Krymskaya K.V. Legal Regime of Artificial Islands and Other Permanent Structures at Sea. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2018, no. 2, pp. 42–57. (In Russian).

2. Redden J. Platform Removal Becomes International Issue. *Ofshore*, 1987, vol. 48, no. 2, pp. 27–32.
3. Labin D.K., Panichkin I.V. Legal Perspectives for Cooperation of the Arctic States in the Development of Offshore Oil and Gas Resources in the Arctic. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2016, no. 3, pp. 86–93. (In Russian).
4. Kashubskii M.V. Is piracy against a sea platform possible? *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2014, no. 1 (21), pp. 5–14. (In Russian).
5. Chernyadyeva N.A. On Obligatory Implementation of Counter-terrorism International Legal Rules in the Russian Criminal Law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 1, pp. 104–111. (In Russian).
6. Kittichaisaree K. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2002. 482 p.
7. Vylegzhanin A.N., Skuratova A.Yu. K. Kittichaisaree. International Criminal Law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2005, no. 7, pp. 122–124. (In Russian).
8. Salonio L., Sinha R. International, Regional and National Approaches towards Maritime Security Issues of Terrorism. In Mukherjee P.K. (ed.). *Maritime Violence and other Security Issues at Sea: the Proceedings of the Symposium on Maritime Violence and other Security Issues at Sea*. Malmö, WMU, 2002, pp. 221–252.
9. Mishalchenko Yu. Statement: Law and Economics — Aspects of National and International Regulation. In Heinze S., Karpen U., Lusic D. (eds.). *Maritime Security: Current Problems in the Baltic Sea: Conference in Cooperation with the International Tribunal for the Law of the Sea, May 9–11, 2007*. Baden Baden, Nomos, 2008, pp. 131–152.
10. Shapiro A. Multiple Approaches must be Taken to Manage the Piracy Problem. In Miller D. *Modern-day Piracy*. Detroit, Greenhaven Press, 2012, pp. 137–147.
11. Sohn L., Juras K., Noyes J., Franck E. *Law of the Sea in a Nutshell*. 2nd ed. St. Paul, Minn, West Publ., 2010. 545 p.
12. Chernyadyeva N.A. Traditional Sea Piracy as a Prerequisite and a Factor of Formation of the System of International Terrorism. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2015, no. 1, pp. 34–38. (In Russian).
13. Sherry F. *Raiders and Rebels: The Golden Age of Piracy*. New York, Harper Perennial, 2008. 399 p.
14. Galiev R.S. *The Fight against Maritime Piracy. International Legal Aspect*. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2015. 168 p.
15. Graf A. *Countering Piracy and Maritime Terrorism in South East Asia and off the Horn of Africa: applying the lessons learned from the countermeasures against maritime violence in the Strait of Malacca to the Gulf of Aden*. Hamburg, Institut fuer Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg, 2011. 58 p.
16. Naumov A.V., Kibalnik A.G., Orlov V.N., Volosyuk P.V. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International Criminal Law]. Moscow, Yurait Publ., 2013. 463 p.
17. Volevodz A.G. Criminalization of International Terrorism in Criminal Law. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2014, no. 2, pp. 3–6. (In Russian).
18. Wilt H., Paulusen Ch. The Role of International Criminal Law in Responding to the Crime-Terror Nexus. *European Journal of Criminology*, 2019, vol. 16, iss. 3, pp. 315–331.
19. Kibalnik A.G., Suvorov V.A. An Act of International Terrorism — New Crime Against Peace and Safety of Mankind. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 6, pp. 37–42. (In Russian).
20. Anufrieva L.P. The incident of China's deployment of the «HD 981» platform in the Southern China Sea (Specific international law issues). *Al'manakh kafedry Mezhdunarodnogo prava MGYuA. Ceteris Paribus = Almanac of Department of International Law of Ceteris Paribus*, 2015, iss. 5, pp. 51. (In Russian).
21. Romashev Yu.S. Features of the Establishment and the Implementation by States of its Jurisdiction in Law Enforcement. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2015, no. 5, pp. 82–91. (In Russian).
22. Grinenko A.V. Features of Territorial Application of Russia's Criminal Procedure Law. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2016, no. 1, pp. 8–10. (In Russian).
23. Zimin V.V. The Conclusion and Implementation of International Treaties on Combating Particular Crimes as one of the Main Directions of the Inter-State Anti-criminal Cooperation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 5, pp. 156–163. (In Russian).
24. Kibal'nik A.G., Shibkov O.N. Forms of Influence of International Law on Russian Criminal Law. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 4 (36), pp. 157–160. (In Russian).
25. Savelev V.A. On the implementation of international counter-terrorism treaties of the Russian Federation in Russian legislation. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public International and Private International Law*, 2002, no. 2, pp. 11–19. (In Russian).
26. Gavrulina E.A. Legal Status of an Offshore Fixed Platform for Offshore Oil and Gas Production. *Pravovoi energeticheskii forum = Energy Law Forum*, 2017, no. 2, pp. 14–18. (In Russian).
27. Lazarev M.I. *Pravovoi rezhim morskikh burovykh i inykh ustanovok* [Legal Regime of Offshore Drilling Installations and other Structures]. Moscow, Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences Publ., 1972. 185 p.
28. Zakharova L.I. Decision on preliminary measures on the «Arctic Sunrise» case by the International Tribunal for the Law of the Sea (the Kingdom of the Netherlands against the Russian Federation). *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2015, no. 6, pp. 82–86. (In Russian).
29. Yamshchikov D. «Prirazlomnaya»: first experience in oil extraction in the Arctic shelf. *Bezopasnost' ob'ektov TEK = The security and safety of fuel and energy complex facilities*, 2013, no. 2, pp. 54–57. (In Russian).
30. Kozochkin I.D. (ed.). *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal Law of Foreign Countries. General and Special Parts]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2010. 1034 p.
31. Kochoi S.V. Antiterrorism Norms in the Criminal Code of the Russian Federation and the Practice of Their Enforcement. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 258–265. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).258-265. (In Russian).
32. Kalamkaryan R.A. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s prestupnost'yu* [International Cooperation in the Fight against Crime]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 349 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вылегжанин Александр Николаевич — заведующий кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: danilalvy@mail.ru.

Лобанов Сергей Александрович — заведующий кафедрой правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru.

Скуратова Александра Юрьевна — доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: interlawmgimo@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Вылегжанин А.Н. Международно-правовые основания противодействия преступлениям, посягающим на безопасность стационарных платформ в акваториях Российской Федерации / А.Н. Вылегжанин, С.А. Лобанов, А.Ю. Скуратова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).313-326 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 313–326.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vylegzhanin, Alexander N. — Head, Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: danilalvy@mail.ru.

Lobanov, Sergey A. — Head, Chair of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex, the International Institute of the Energy Policy and Diplomacy of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru.

Skuratova, Alexandra Yu. — Ass. Professor, Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: interlawmgimo@bk.ru.

FOR CITATION

Vylegzhanin A.N., Lobanov S.A., Skuratova A.Yu. Suppression of crimes against the security of fixed platforms located in the waters of the Russian Federation (international law basis). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 313–326. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).313-326. (In Russian).